

Чезаре Дж. Де Микеллис

РУССКИЙ ТЕКСТ В НОВЕЙШЕЙ ИТАЛЬЯНСКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ

Статья посвящена вопросу о русском «тексте» в итальянской литературе. Анализ текстов определяется периодом последних семидесяти лет (с конца второй мировой войны). При этом прослеживаются исторические события в России, которые нашли отражение в итальянской литературе. Выявляются различные аспекты бытования русского текста в итальянской литературе: «миф о России» и «миф о СССР», в которых присутствует порой политическая подоплека, русский хронотоп, разворачивающийся в романах о «русской земле», и «литература о литературе», когда в течение несколько лет был создан целый ряд выдающихся произведений в разных жанрах.

Ключевые слова: Итальянская литература, русский текст, русский хронотоп, история, «миф о России», «миф о СССР», «литература о литературе»

Само по себе восприятие других наций и культур, особенно если они далеки от собственной географически и лингвистически, является неотъемлемой частью сложных семиотических систем. Речь идет именно о «понимании», а не об «изучении» или «знании», в том смысле, что разыскания (в сфере географии, истории, политологии и т. д.) являются только его составляющей, и зачастую не самой важной: понимание другого происходит в результате сопоставления и всестороннего анализа целого ряда свидетельств: журналистской переписки, путевых записок, художественных изображений и кинокадров, театральных постановок и музыкальных фрагментов. И, конечно же, благодаря литературным текстам (поскольку литература до сих пор является одним из важнейших средств массовой информации).

На этом я и сосредоточу свое внимание, отдавая себе отчет в том, что литература является частью гораздо более сложной культурной системы, которая в свою очередь предполагает взаимодействие двух культур.

Как писал Ю.Лотман, «для того чтобы общаться с внешней культурой, культура должна интериоризировать ее образ внутри своего мира» [1]; точно так же как, согласно формулировке Вл.Топорова, «формируемые таким образом тексты обладают всеми теми специфическими особенностями, которые свойственны и любому отдельно взятому тексту вообще и — прежде всего — семантической связностью» [2]. Швейцарский поэт Филипп Жакоте исследовал образ «России», сложившийся не исходя из знакомства с научными источниками, а благодаря инфантильному восприятию книги Ж.Верна *Михаил Строгов* (Jaccottet 2002). Чуть позднее другой французский писатель Эмманюэль Каррер высказал свою идею в *Русском романе* (2007).

Кроме того, век назад известное издательство Р.Карабба из Ланчиано выпустило серию «Италия [глазами] зарубежных писателей» (помимо русских, таких как А.Майков, в нее вошли французские, английские, испанские и немецкие авторы).

Поднимая вопрос о русском «тексте» в итальянской литературе, в данной статье я ограничусь периодом последних семидесяти лет (с конца второй мировой войны), с оговоркой на то, что его семантическое освоение восходит гораздо к более давней эпохе, начиная с литературных текстов публицистического характера, со времен Смутного времени на заре XVII века, а именно романа *Дмитрий* (1639) Майолино Бизаччони и трагедии *Дмитрий Московский* (1651) Джузеппе Теодоти.

В XX веке представление о России в Италии соответствовало моделям, навязанным еще в конце XIX века: социо-политическим (нигилизм, царские репрессии, революция), культурно-религиозным (православная церковь, софианство, сектантство) и литературным (натурализм, эстетизм, современное искусство, реализм). Все эти представления так или иначе находились в русле той самой «моды на Россию», получившей распространение в Европе со времен *Русского романа* Эжена-Мельхиора Вогюэ (1886) и в Италии благодаря *Современной России* Томмазо Карлетти (1894): речь идет о «гигантском здании, европейском снаружи и внутри обставленном согласно азиатским вкусам» (цитата из *Путешествия в Россию* Гавино Риччи (Турин-Рим, 1907), которую автор приписывает одному из «князей Долгоруких»).

Во второй половине XX века «мифу о России» пришел на смену «миф о СССР». Ему был посвящен целый ряд книг, переведенных на русский. Эти произведения в жанре путевых записок объединяло скорее дружественное отношение к СССР, нежели принадлежность к жанру художественной литературы. Упомянем здесь Витторио Дж.Росси (1951), Итало Кальвино (1952), Альберто Моравиа (1958), Бениамино Даль Фаббро (1958), Джузеппе Бартоллучи (1959), П.А.Кварантотти Гамбини (1963), Энцо Беттица (1970), а также Джину Лагорио (1989).

Что же касается обзора художественной литературы, назовем в числе первых роман *Буря* Паоло Дзаппы (1946), талантливого писателя второго плана, к тому времени уже написавшего *репортаж* о русской эмиграции периода между двух войн, в котором рассказывается о трагедии второй мировой войны в России глазами военного, участника отступления 8-ой итальянской армии. Злополучная кампания в России (уже во второй раз после похода *Великой Армии* Наполеона приведшая к прямому — военному — столкновению итальянских и

российских масс), требует отдельного разговора: она нашла яркое отражение в литературе не только во многочисленных мемуарах (начиная с литературной обработки военных записок Филиппо Томмазо Маринетти, написанных в 1944 г. под названием *Русская причудливость масс расстояния радиосердца*, но прежде всего в литературных свидетельствах об одиссее альпийского корпуса на Дону, таких как *Сержант в снегах* Марио Ригони Стерна (1953) и *Сто тысяч котелков льда* Джулио Бедески (1963), а также изданные позднее роман *Письмо из Купьянска* Марио Спинеллы (1987) и поэма на римском диалекте *Римляне в России* Элиа Марчелли (1988). Недавно был обнаружен и опубликован еще один текст подобного рода, описывающий события первой мировой войны и являющийся пародией на Данте (*Ирредентская Божественная Комедия*), написанной в 1916 г. в военном плену в Кирсанове двумя итальянцами, Эрмете Бонапаче и Сильвио Виеццоли, сражавшимися в составе трентинского и далматского подразделений на стороне австро-венгерской императорско-королевской армии (*Великая война Данте*, Рим 2016).

К вышеперечисленному можно добавить прозу, повествующую не об итальянцах в России, а о русских в Италии, а именно об истории казачества во Фриули, возродившей «миф» о казаках, возникший благодаря таким выдающимся произведениям русской литературы как *Тарас Бульба* Н.Гоголя, *Казаки* Л.Толстого и *Конная армия* И.Бабеля. Среди многочисленных текстов достаточно будет упомянуть повесть Бруны Сибилле-Сици *Недоступная земля* (1957), и в особенности повесть Клаудио Магриса *Размышления об одной шашке* (1984) и роман Карло Сгорлона *Армия утраченных рек* (1985).

Оставляя военные события в стороне, безусловно, одним из самых значимых аспектов бытования русского текста [в итальянской литературе] является его политическая подоплека. В качестве примера воспевания страны Советов приведем строки из стихотворения Сибиллы Алерамо:

Oh paese di Lenin	О, страна Ленина,
ove Egli posa e dolce par che respiri	где Он покоится и будто бы тихо дышит
paese di Lenin	страна Ленина
cui Egli ha trasmesso genio e tenacia	которой он передал свой дух и стойкость
paese di Lenin	Страна Ленина
per sempre su giusta e libera strada	На верном и свободном пути навсегда
	[...]
Oh Russia grande	О, великая Россия,
oh paese dei Soviet	О, страна Советов
alto paese!	высокая страна!

Подобные строки встречаются гораздо реже, нежели политически ангажированные тексты, зачастую опускающиеся до уровня массовой литературы (такие как *Приехал Усач* [то есть Сталин] некоего Армандо Калабрезе (1953), и *Товарищ Дон Камилло* Джованни Гуарески (1963), и даже если авторам удастся не скатиться в заурядность, они порождают скорее *памфлеты* в прозе, нежели произведения, имеющие художественную ценность, как в случае с объемным романом *Призраки Москвы* (1993), автор которого, публицист родом из Далмации Энцо Беттица, пытается реконструировать самые тяжелые годы сталинизма.

В качестве примера литературных «построений», явно посвященным политическим событиям, однако, избежавших идеологической подоплеки, назовем такие рассказы как *Тайная смерть Иосифа Джугашвили* (1976) Джорджо Де Мария и *Кто убил Майковского?* (1977) Франко Берарди; жанр оказался жизненным и нашел продолжение в текстах Нерео Ларони *Друг Сталина* (2003) и Марио Алессандро Курлетто *Спартак Москва. Истории о футболе и власти в СССР времен Сталина* (2004).

Русский хронотоп разворачивается в романах, обращающихся к значимым темам «русской земли», начиная с «мифа о Сибири», уже нашедшего отражение в приключенческом цикле Эмилио Салгари, в опере *Сибирь* Умберто Джордано 1903 г., а также в юношеском романе Этторе Ло Гатто *Загадки Сибири* (1903). В качестве одного из многочисленных примеров приведу роман *Раковина Анатая* (1983) Карло Сгорлона — писателя, не раз возвращавшегося к теме России, — в котором на примере грандиозного строительства транссибирской магистрали показана жизнь обширных регионов на Востоке России до Революции, символом которой является «раковина».

Наряду с русской историей и масштабами «земли русской», большой интерес в Италии вызывала русская литература, вдохновляющая в течение несколько лет целый ряд выдающихся произведений в разных жанрах. Глазами итальянских прозаиков на итальянских читателей смотрят Гоголь и Достоевский: первый в новелле Томмазо Ландольфи *Жена Гоголя* [1944] (1954); второй оживает на страницах метафизического романа Гуидо Пиовене *Холодные звезды* (1970), или же предстает в качестве обвиняемого на суде за «культурную измену» перед лицом одиннадцати судей, среди которых Толстой и Фрейд — в романе Альберто Лекко *Смерть Достоевского* (1994) и, наконец, в последнем романе Ферруччо Параццоли (лауреата крупнейших итальянских премий) *Великий грешник* (2019), сомнительном пастише, представленном как «найденная рукопись — скорее, памфлет», в котором друг Раскольникова Разумихин безжалостно выводит «на чистую воду» русского писателя. Существует целый ряд произведений, посвященных великим литературным персонажам, и все они вписываются в давно сложившуюся непрерывную литературную традицию, связанную с именами великих русских авторов. К их числу принадлежит драма XIX века *Пушкин* (1870), принадлежащая перу Пьетро Коссы.

Упомянем среди прочих *Бегство Толстого* (1986) Альберто Каваллари, *Мурзихан* (1992) Пии Перы (история кота, в которого перевоплощается не кто-нибудь, а Евгений Онегин), путевые заметки Альдо Буцци, объединенные под общим названием *Чехов в Сондрио* (1994), а также связанный с современностью роман Марчелло Вентури о Юлии Добровольской *Улица Горького 8, квартира 106* (1996). И еще: *Страсти по Маяковскому* (2002) Барбары Альберти, роман Паоло Нори о Хлебникове *Pancetta* («Грудинка», 2004), а также *Наука расставаний* о Мандельштаме Элизабетты Рази (2005).

«Литература о литературе» (а именно к этому жанру относятся только что приведенные тексты), породила в том числе уникальные случаи переложения или продолжения русских литературных текстов в произведениях итальянских авторов (речь не идет о театральных и телевизионных сценариях, созданных по мотивам русских классиков, таких как *Преступление и наказание*, 1954, Лучио Риденти или *Великий инквизитор* и *Братья Карамазовы* Диего Фаббри). Любопытную прозу, построенную на культе русского автора, представляет собой сборник рассказов *Русский Сатирикон* (1976), название которого восходит к журналам Аркадия Аверченко: режиссер и писатель Карло Сильва переделал и «дополнил» ряд известных ему текстов в «книжечку, кажется, 1923 г.» (полагаю, имеются в виду *Novelle da ridere*, *Юмористические рассказы* в переводе Альфредо и Ракеле Полледро, Рим 1920). В 1997 г. Джанни Каллиони публикует продолжение *Доктора Живаго*, в котором пожилая *Тоня Громеко*, эмигрировавшая в Италию, рассказывает о событиях, произошедших после заключения романа Бориса Пастернака (с предисловием Михаила Горбачева), фактически опровергая мнение о том, что «*Доктор Живаго* — [...] это роман, не имеющий ни финала, ни возможного продолжения» (М.Мартини). Одним из самых любопытных типов итальянской прозы на русскую тему, особенно способствующих порождению гипертекста, являются сочинения, написанные в подражание русским: речь идет о давней традиции, сложившейся еще со времен приключенческого галантного романа аббата Пьетро Кьяри *Прекрасная паломница, или Воспоминания московской фрейлины* (1759) получившего распространение во всей Европе, еще не знавшей русских образов.

Прототипом такого рода прозы стал роман *Московские ночи*, изданный в 1971 г. на русском языке под названием *Спи спокойно, дорогой товарищ*, за подписью ранее никому не известного Власа Тенина (псевдоним Пьетро Цветеремича), который вызвал бурю протестов и поднял настоящий скандал в политике и литературе: произведение было заявлено как первый «порно-политический» роман, рожденный из горнила диссидентства, и посему спровоцировал целую кампанию по установлению личности автора, получившего немалое моральное удовлетворение от нападков со стороны АПН и «Литературной газеты». Самым любопытным в этой истории было то, что псевдорусский роман Цветеремича восполнил, с точки зрения Запада, лауну самиздата: а именно внес в политическую сатиру непристойную тематику (которая, как выяснилось позднее, все же существовала в советском «подполье»). На сколько мне известно, единственный прецедент сочинения по-русски итальянского писателя относится к Вирджилио Нардуччи, который в 1889 г. выпустил маленьким литографическим тиражом историческую драму о легендарной фигуре украинской народной песни половины XVII-го века, *Марусе Чурай*.

Нечто подобное было предпринято Алессандро Барберо (крупный историк-медиевист), предложившим почти совершенную реконструкцию *Русского романа*, в смысле не только и не столько романа на русскую (постсоветскую) тему, а представленного, согласно давнему приему, как «найденная рукопись» русского автора. В том же русле действуют упомянутый выше Ферруччо Параццолли в памфлете о Достоевском, а также Игорь Сибальди в *Заговоре* (1994), ставя перед собой цель «написать роман об эпохе Ельцина и Горбачева, который русские пока написать не смогли».

В случае Сибальди перед нами шпионский роман, *spy-story*, связанная с текущими событиями. Этот прием уже использовался в прошлом (*Наташа Рысакова* Ренато Лофредо, 1977) и оказался очень продуктивным со времен падения берлинской стены: к этому жанру относятся *Восточный крест* (1990) Пьетро Сориа, *Русская женщина* (1992) Марко Незе и в особенности *Любовница президента, или Дама с Красной площади* (1994) Энрико Франческини (бывший корреспондент газеты «Ла Репубблика» в России), который «выпускает на сцену целый круговорот лиц, мелькающих между светом и тенью, между хроникой и поэзией, в искаженной перспективе политических карикатур, изменивших облик России».

Но не все итальянские литературные тексты относятся к вышеперечисленным: так, например, особое место занимает роман *Бахчисарайский фонтан* (1995) Виттории Ронкей — история пожилой преподавательницы славистики, вернувшейся в Россию тридцать лет спустя (прототипом персонажа, скорее всего, является выдающийся византолог Энрика Фоллиери), в которой экзистенциальный кризис главной героини совпадает с кризисом постсоветской России. Упомянем также и книгу *Произошло в России* (1975—1982) Федерико Сенси, представляющую собой «литературную записную книжку», рассказывающую о времени пребывания автора в Москве в качестве посла. Другое свидетельство принадлежит еще одному послу Италии в «стране советов» Фердинандо Саллео, которого интересовали темные истории, связанные со зданием итальянского посольства, где в 1918 г. был убит полномочный представитель Германской империи Вильгельм фон Мирбах. И они были не единственными послами, описавшими свой опыт в литературе: вспомним о *Советском мире* Луки Пьетромарки и о *Неустойчивом равновесии России* Серджио Романо.

Среди итальянцев, долго проживших в России, упомянем руководителя банка Антонио Фаллико, который попробовал свои силы в прозе: в романе *Ленинский проспект* (2010), интересном скорее скрытыми намеками на автобиографию, нежели с художественной точки зрения, историко-шпионский ракурс сосредоточен на итальянце (Сальваторе), который становится агентом КГБ по имени Иван.

В течение последних семидесяти лет в итальянской литературе освещались другие исторические события в России. Писатели частично возвращались к темам, уже звучавшим в прозе между двумя войнами: я имею в виду роман *В поисках императора* Роберто Пацци (1985), сюжет которого сконцентрирован вокруг убийства царской семьи (как и роман *Царь не умер* группы Десяти [писателей] во главе с Ф.Т.Маринетти, 1929), или *Последний из царей* Нино Беррини, 1934), и в особенности очерк Серджио Кампаиллы *Секрет Нади Б.* (2010), реконструирующий трагическую историю «музы» Карло Михельштедтера (Надежды Хаймович-Бараден, покончившей жизнь самоубийством во Флоренции в 1907 г.) и вновь обращающийся к теме «русского нигилизма», популярной в итальянской литературе конца XIX — начала XX вв. (вспомним среди прочих роман Армандо Колаутти о Степняке-Кравчинском *Nihil. Русская революция*, 1890). Совсем недавно внимание коллектива авторов («Бу Минг»¹, куда вошли некоторые представители творческой группы “Luther Blisset” после ее закрытия) привлекла политическая и личная судьба Александра Богданова, ставшего главным героем романа *Пролеткульт* (2018).

В предисловии к своей знаменитой Антологии русской поэзии (после расторжения договора с туринским издательством «Эйнауди»), Ренато Поджиоли вспоминал одного итальянского партизана по имени Франческо, который суровой зимой 1944—1945 гг. цитировал наизусть строки Есенина. В этой связи вспоминается зачин песни, ставшей символом итальянского движения Сопротивления («Свистит ветер, воеет буря, / рваные ботинки, и все же нужно идти...»), написанной на мелодию русской песни на стихи М.Исаковского («Расцветали яблони и груши...»), текст которой почти буквально воспроизводит строки из *Двенадцати* Александра Блока: «Гуляет ветер, порхает снег. / Идут двенадцать человек». Мне кажется весьма знаковым, что «интериоризация другого», о которой говорил Лотман, переходит из жизни в литературу и возвращается обратно из литературы в жизнь.

1. Лотман Ю.М. Избранные статьи. Т. 1. Таллин, 1992. С. 117.
2. Топоров В.Н. Миф. Ритуал. Символ. Образ: Исследования в области мифопоэтического: Избранное. М.: Прогресс-Культура, 1995. С. 279.

References

1. Lotman Yu.M. Izbrannye stat'i [Selected articles], vol. 1. Tallinn, 1992, p. 117.
2. Toporov V.N. Mif. Ritual. Simvol. Obraz: Issledovaniya v oblasti mifopoeticheskogo: Izbrannoe [Myth. Ritual. Symbol. Image: Research in the field of mythopoetic: favorites]. Moscow, 1995, p. 279.

Cesare G. De Michelis. Russian text in the modern Italian literature. The article is devoted to the “Russian text” in Italian literature of the last seventy years (since the end of the Second World War). This traces historical events in Russia, which are reflected in the Italian literature. Russian text in Italian literature: “the myth of Russia” and “the myth of the USSR”, in which there is sometimes a political background, the Russian chronotope, unfolding in the novels about the “Russian land”, and “literature about literature”, when for several years a number of outstanding works in different genres were created.

Keywords: Russian text, Russian chronotope, history, “myth about Russia”, “myth about the USSR”, “literature about literature”.

Сведения об авторе. Чезаре Дж. Де Микелис — почетный профессор Римского университета “TOR VERGATA”; cesareg.demichelis@gmail.com.

Статья публикуется впервые. Поступила в редакцию 10.11.2019. Принята к публикации 30.11.2019.

¹ В состав группы входили Роберто Вуи, Джованна Каттабрига, Лука Ди Мео (позднее вышедший из нее), Федерико Гульельми, Риккардо Педрини